

6. Ermakova E. P., Frolova E. E. Legal regulation of digital banking in Russia and foreign countries (European Union, USA, China). *Perm University Bulletin. Series: Legal sciences*, 2019, no. 46, pp. 606—625. (In Russ.)
7. Glas A., Truszel M. Current Trends in Financial Technology. In: *The FinTech Book: The Financial Technology Handbook for Investors, Entrepreneurs and Visionaries*. Ed. by S. Chishti, J. C. Barberis. John Wiley & Sons, 2016. Pp. 13—15.
8. Mansilla-Fernández J. M. Institutions. *European Economy — Banks, Regulation, and the Real Sector*, 2017, iss. 2, pp. 41—50.
9. Kapsis I. A Truly Future-Oriented Legal Framework for Fintech in the EU. *European Business Law Review*, 2020, vol. 31, iss. 3, pp. 475—514.
10. Directive 2007/64/EC of the European Parliament and of the Council of 13 November 2007 on payment services in the internal market amending Directives 97/7/EC, 2002/65/EC, 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 97/5/EC (Text with EEA relevance). *OJ. L 319.5.12.2007*. Pp. 1—36.
11. *Commission staff working document impact assessment accompanying the document Proposal for a directive of the European Parliament and of the Council on payment services in the internal market and amending Directives 2002/65/EC, 2013/36/UE and 2009/110/EC and repealing Directive 2007/64/EC and Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on interchange fees for card-based payment transactions*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=SWD:2013:0288:FIN>.
12. Directive (EU) 2015/2366 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2015 on payment services in the internal market, amending Directives 2002/65/EC, 2009/110/EC and 2013/36/EU and Regulation (EU) No. 1093/2010, and repealing Directive 2007/64/EC (Text with EEA relevance). *OJ. L 337.23.12.2015*. Pp. 35—127.
13. Regulation (EU) 2015/751 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2015 on interchange fees for card-based payment transactions (Text with EEA relevance). *OJ. L 123.19.5.2015*. Pp. 1—15.
14. *Payment services: The European Commission is working to create an efficient and integrated market for payment services in the EU*. URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/consumer-finance-and-payments/payment-services/payment-services_en.
15. *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “A European strategy for data”*. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-european-strategy-data-19feb2020_en.pdf.

Как цитировать статью: Красиков Д. В. Трансформация правового регулирования сектора банковских услуг в Европейском союзе в условиях развития финансовых технологий // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4 (53). С. 270–375. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.53.446.

For citation: Krasikov D. V. Transformation of legal regulation of the banking services sector in the European Union in the context of financial technologies development. *Business. Education. Law*, 2020, no. 4, pp. 270–275. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.53.446.

УДК 341.1/8
ББК 67.91

DOI: 10.25683/VOLBI.2020.53.423

Lipkina Nadejda Nikolaevna,
Candidate of law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of International Law,
Saratov State Law Academy,
Russian Federation, Saratov,
e-mail: k_intlaw@ssla.ru

Липкина Надежда Николаевна,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры международного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
Российская Федерация, г. Саратов,
e-mail: k_intlaw@ssla.ru

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00806 «Теоретико-практическая модель утверждения территориального суверенитета и делимитации юрисдикций государств в киберпространстве»
The work is supported by grant of the RFFR No. 20-011-00806 “Theoretical and practical model of approval of the territorial sovereignty and delimitation of jurisdiction of states in cyberspace”

ПРИНЦИП СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

PRINCIPLE OF STATE SOVEREIGNTY IN CYBERSPACE: CONTENT DEFINITION PROBLEMS IN THE CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW

12.00.10 — Международное право; европейское право
12.00.10 — International law; European law

Статья посвящена исследованию дискуссионных аспектов определения содержания принципа суверенитета в современном международном праве в его применении к общественным отношениям в киберпространстве. В работе анализируется дискуссия о правовой природе

принципа суверенитета в киберпространстве в контексте соотношения категорий «принцип права» и «норма права». Также исследуются пределы принципа суверенитета в киберпространстве. Отдельно затронут вопрос о соотношении принципа суверенитета с иными основными

принципами международного права. В статье рассматриваются основные линии аргументации, используемые в науке международного права при обосновании ответов на указанные дискуссионные вопросы. Соответствующий анализ проводится с учетом особенностей общественных отношений в киберпространстве. Представленные в работе выводы основаны также на результатах исследования официальных позиций государств, сформулированных по поводу содержания принципа суверенитета в киберпространстве. Делается вывод, что принцип суверенитета, безусловно, применяется к общественным отношениям в киберпространстве, однако вопрос о его конкретном содержании в рассматриваемой сфере однозначного решения в науке международного права и международной практике не находит. Вместе с тем, несмотря на дискуссионный характер содержания, принцип суверенитета в его применении к общественным отношениям в киберпространстве должен иметь самостоятельное регулятивное значение, а кристаллизация соответствующей практики государств в международные нормы может способствовать скорейшему устранению правовой неопределенности при осуществлении ими деятельности в киберпространстве и обеспечить их необходимыми средствами правовой защиты.

The article examines the controversial aspects of defining the content of the principle of sovereignty in contemporary international law in its application to public relations in cyberspace. The work analyzes the discussion of the legal nature of the principle of sovereignty in cyberspace in the context of the correlation between the categories "principle of law" and "rule of law". It also explores the limits of the principle of sovereignty in cyberspace. Separately, the issue of the relationship between the principle of sovereignty and other basic principles of international law is touched upon. The article analyzes the main lines of argumentation used in the science of international law in substantiating the answers to the indicated discussion questions. The corresponding analysis is carried out taking into account the peculiarities of social relations in cyberspace. The conclusions presented in the work are also based on an appeal to the analysis of the official positions of states concerning the content of the principle of sovereignty in cyberspace. According to the research, it is concluded that the principle of sovereignty certainly applies to public relations in cyberspace; however, the question of its specific content in the area under consideration does not find an unambiguous solution in the science of international law and international practice. At the same time, despite the controversial nature of the content, the principle of sovereignty in its application to public relations in cyberspace should have an independent regulatory consequence, and the crystallization of relevant state practice into international norms can contribute to the prompt elimination of legal uncertainty in their activities in cyberspace and provide them with the necessary legal remedies.

Ключевые слова: киберпространство, принципы международного права, суверенитет, принцип суверенитета, принцип невмешательства во внутренние дела.

Keywords: cyberspace, principles of international law, sovereignty, the principle of sovereignty, the principle of non-interference in internal affairs.

Введение

В 2015 г. Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций

в контексте международной безопасности подчеркнула в своем докладе важность международного права в целом и в частности принципа суверенитета в качестве основы безопасности в сфере использования государствами информационно-коммуникационных технологий [1, с. 16]. Признание того, что суверенитет государств и международные нормы и принципы, проистекающие из суверенитета, применяются к осуществлению государствами деятельности, связанной с информационно-коммуникационными технологиями, делает особенно **актуальным** поиск ответов на вопросы, касающиеся определения правовой природы и содержания принципа суверенитета в его применении к общественным отношениям в киберпространстве.

Изученность проблемы. Обозначенная тема вызывает повышенный интерес у исследователей. Различным вопросам определения правовой природы, содержания и пределов принципа суверенитета в его применении к общественным отношениям в киберпространстве посвящены работы таких авторов, как М. Баезнер, П. Робин [2], Г. П. Корн, Р. Тейлор [3], Б. Дж. Иган [4], М. Мюллер [5], К. Нордстрем [6], М. Н. Шмитт, Л. Вихал [7] и др. Основные теоретические подходы к исследованию содержания принципа суверенитета как основного принципа современного международного права сформировали такие ученые, как К. А. Бежашев [8], А. А. Моисеев [9], М. П. Феррейра-Сниман [10], С. Д. Краснер [11] и др. Особое значение в контексте настоящего исследования имеет дискуссия относительно правовой природы принципа суверенитета, основанная на теоретических разработках о соотношении принципа права и регулятивной нормы права, нашедших отражение в работах таких авторов, как М. И. Байтин, В. К. Бабаев [12], М. Л. Давыдова [13], А. Аарнио [14], Р. А. Алекси [15], В. Ланг [16], Дж. Р. Муньис [17], Н. Петерсен [18] и др.

Целесообразность разработки темы. Отсутствие единообразной общепризнанной практики государств относительно применения принципа суверенитета к общественным отношениям в киберпространстве затрудняет формулирование однозначных выводов в рамках имеющихся дискуссий о правовой природе рассматриваемого принципа в киберпространстве, приводит к снижению правовой определенности при осуществлении государствами деятельности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий.

Как представляется, потребность в дальнейших исследованиях дискуссионных аспектов содержания принципа суверенитета в киберпространстве очевидна. Результаты подобных исследований, несомненно, будут иметь **теоретическое и практическое значение**, способствуя укреплению верховенства права, усилению эффективности правоприменения при осуществлении государствами деятельности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем на основе обобщения имеющихся доктринальных разработок по заявленной теме вопрос о содержании принципа суверенитета в его применении к общественным отношениям в киберпространстве исследуется сквозь призму совокупности факторов, имеющих определяющее значение для его разрешения. Такими факторами выступают, во-первых, правовая природа принципа суверенитета, во-вторых, пределы принципа суверенитета в его применении к общественным отношениям в киберпространстве и, в-третьих, соотношение принципа суверенитета с иными основными

принципами международного права в их применении к общественным отношениям в киберпространстве.

Цель данного исследования — на основе анализа используемой в науке и международной практике аргументации исследовать содержание принципа суверенитета в его применении к общественным отношениям в сфере использования государствами информационно-коммуникационных технологий. Для достижения поставленной цели требуется решить следующие **задачи**: во-первых, исследовать правовую природу принципа суверенитета в его применении к общественным отношениям в киберпространстве в контексте соотношения понятий «принцип права» и «регулятивная норма права»; во-вторых, рассмотреть пределы принципа суверенитета при его применении к общественным отношениям в киберпространстве; в-третьих, проанализировать соотношение принципа суверенитета с иными основными принципами международного права в их применении к общественным отношениям, связанным с использованием государствами информационно-коммуникационных технологий.

Основная часть

При поиске параметров применимости принципа суверенитета к общественным отношениям в киберпространстве краеугольным камнем является определение его правовой природы в современном международном праве. В основу соответствующей дискуссии положен, среди прочего, широко принятый в теории права подход, согласно которому принципы права (*legal principles*) и регулятивные нормы права (*legal rules*) — разновидности нормативно-правовых предписаний (*legal norms*), имеющие целый ряд различий [12, р. 23; 15, р. 295; 17, р. 270; 18, р. 288]. В рамках настоящего исследования ключевое значение имеют следующие такие различия: во-первых, в отличие от принципов права, которые всегда привязаны к соответствующей ценности, нормы права в основном привязаны к поведению субъектов [18, р. 288]; во-вторых, принципы права не являются непосредственно применимыми [16, р. 159] и реализуются опосредованно, путем реализации конкретизирующих их норм права [13, р. 9]; в-третьих, принципы права — нормативно-правовые предписания, которые могут быть реализованы в разной степени в зависимости от фактических обстоятельств и юридических возможностей [15, р. 295]; в отличие от регулятивных норм права они не играют определяющей роли при разрешении конкретных дел (поэтому нет никаких оснований говорить о нарушении принципов в том же смысле, что и о нарушении регулятивных норм) [14, р. 180].

Опираясь на указанные теоретические разработки о соотношении принципа права и регулятивной нормы права, исследователи по-разному отвечают на вопрос о правовой природе нормативно-правового предписания, направленного на обеспечение уважения суверенитета государства, включая территориальный суверенитет, в его применении к общественным отношениям в киберпространстве.

Первое из обозначенных различий принципа права и регулятивной нормы права заключается в том, что принцип права ориентирован на защиту определенной социальной ценности, в то время как регулятивная норма права в основном привязана к поведению субъектов. Такие авторы, как Г. Корн и Р. Тейлор, признают безусловную значимость суверенитета государства как социально-значимую ценность, подчеркивая, что принцип суверенитета, включая территориальный суверенитет, следует учитывать при проведении

любой кибероперации [3, р. 208]. Вместе с тем данные авторы не считают, что принцип суверенитета функционирует в качестве самостоятельной нормы обычного международного права, регулирующей поведение государства в киберпространстве; наоборот, по мнению указанных авторов, принцип суверенитета устанавливает основы взаимодействия государств, но, не являясь обязывающим правилом поведения [3, р. 208], не устанавливает абсолютного запрета на проведение индивидуальных или коллективных киберопераций государств, которые могут воздействовать на киберинфраструктуру в другом государстве (при условии, что последствия не достигают уровня незаконного применения силы или незаконного вмешательства) [3, р. 208—209]. В свою очередь, М. Шмитт и Л. Вихал, эксперты, участвующие в разработке Таллиннского руководства 2.0 о международном праве, применимом к кибероперациям, представленного в 2017 г., исходят из понимания суверенитета не только в качестве принципа, но и в качестве регулятивной нормы современного международного права и детально аргументируют свою позицию [7].

Второе из обозначенных различий принципа права и регулятивной нормы права заключается в том, что принцип права — нормативно-правовое предписание общего характера, которое реализуется посредством реализации конкретизирующих его норм права. Одним из расхождений в обозначенных выше подходах является именно признание существования разного «набора» норм, конкретизирующих принцип суверенитета. Так, например, Г. Корн и Р. Тейлор, отрицая наличие нормы об уважении суверенитета государства, признают отсутствие ответов на вопросы о том, регулирует ли принцип суверенитета киберповедение, не достигающее уровня вмешательства, и, если да, то каким образом [3, р. 211]. М. Шмитт и Л. Вихал, наоборот, исходят из того, что одной из регулятивных норм международного права, конкретизирующих принцип суверенитета, является норма об уважении суверенитета государства, и предлагают свое видение ее содержания: нарушающими суверенитет третьего государства являются те удаленные кибероперации, которые приводят к причинению физического ущерба его киберинфраструктуре или к утрате ее функциональности, а также те, которые представляют собой вмешательство в осуществление таким государством его неотъемлемых государственных функций или даже узурпацию таких его функций [7, р. 1647—1648].

Третье из обозначенных различий принципа и регулятивной нормы права, вытекающее из двух рассмотренных, позволяет авторам указанных подходов по-разному оценивать возможность нарушения принципа суверенитета в киберпространстве. Если М. Шмитт и Л. Вихал исходят из признания существования в международном праве регулятивной нормы о суверенитете, которая, соответственно, может быть нарушена, то Г. Корн и Р. Тейлор, наоборот, критикуют справедливость данного вывода и ставят его под сомнение [3, р. 210].

Следует отметить, что дискуссия носит, очевидно, временный характер. Авторы и одного и другого подходов призывают к дальнейшим дискуссиям на этот счет, отмечают отсутствие консенсуса по отдельным вопросам установления содержания принципа суверенитета, подчеркивают возможность развития правового регулирования в данной сфере [3, 7]. Анализ официальных позиций государств по данному вопросу в настоящее время также не позволяет сделать вывод о наличии единообразной практики [19, 20].

При этом поиск возможного консенсуса осложняется необходимостью установления должного баланса интересов не только государств в их взаимных отношениях, но и международного сообщества в целом, например в условиях наличия насущной потребности борьбы с терроризмом.

Таким образом, применимость принципа суверенитета к международным отношениям в киберпространстве не вызывает сомнений, однако его конкретное содержание в данной динамично развивающейся сфере общественных отношений активно формируется в настоящее время, и основной вопрос заключается в том, какие нормы международного права позволяют реализовать данный принцип. Пределы действия принципа суверенитета в киберпространстве — вопрос не только теоретически, но и практически значимый.

Следует отметить, что те принципы международного права, которые сформулированы в качестве запрета, традиционно легче ассоциируются с соответствующей регулятивной нормой права [21, с. 204], конкретизирующей данный принцип (например, принципы неприменения силы или угрозы силой, невмешательства во внутренние дела государства). Формулировка принципа суверенитета, в отличие от указанных принципов, не содержит прямого указания на конкретное правило поведения и содержит «зонтичное понятие» — «суверенитет», которое обозначает права и обязанности, предоставленные государству по международному праву в данный момент, и которое, таким образом, подлежит толкованию с учетом меняющихся условий жизни общества [10, р. 3]. Указанное видится справедливым и при определении содержания принципа суверенитета в его применении к общественным отношениям в киберпространстве. Каковы основные права и обязанности государства в киберпространстве в соответствии с данным принципом?

Ответить на данный вопрос не представляется возможным без анализа того, как принцип суверенитета соотносится с иными принципами международного права. В соответствии с Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами согласно Уставу Организации Объединенных Наций 1970 г., при истолковании и применении изложенных в ней принципов они являются взаимосвязанными и каждый принцип должен рассматриваться в свете других принципов [22]. Основные принципы международного права настолько взаимосвязаны, что нередко определяются друг через друга, что делает еще более актуальным вопрос об их разграничении. Особую значимость имеет разрешение вопроса о разграничении принципа суверенитета с такими принципами международного права, как принципы воздержания от угрозы силой или ее применения, невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства, территориальной целостности государств.

Например, определяя обязательства, вытекающие из принципа суверенитета, отдельные авторы отмечают, среди прочего, обязательство воздерживаться от вмешательства в дела других государств [2, р. 7]. Другие, в свою очередь, отмечают, что принцип невмешательства предполагает запрет государствам принимать принудительные меры по вопросам, которые каждое государство в силу принципа государственного суверенитета имеет право решать свободно [4, р. 174—175]. По мнению М. Мюллера, суверенитет призван смягчить анархию между государствами, ограничивая

их определенной территорией: предполагается, что каждое действующее правительство является верховным и законным в рамках своей собственной территории и применяет взаимные правила невмешательства и добровольного взаимодействия [5]. В целом в науке можно встретить мнение, что негативный суверенитет, который можно определить как свободу государства от вмешательства извне, и невмешательство — это, по существу, «две стороны одной медали» [10, р. 17].

На тесное взаимодействие принципа суверенитета и ряда иных основных принципов международного права указывал и Международный Суд ООН в решении по делу *Nicaragua v. United States of America*: последствия действия принципа уважения территориального суверенитета неизбежно пересекаются с последствиями действия принципов запрещения применения силы и невмешательства [23, § 251]. Особую значимость принципа суверенитета в системе основных принципов международного права подчеркивает К. А. Бекашев, отмечая, что «суверенитет лежит в основе таких общепризнанных принципов международного права, как суверенное равенство государств, невмешательство государств во внутренние дела друг друга, уважение прав человека и др.» [8, р. 916].

В Докладе Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности 2013 г. отмечается: «Государственный суверенитет и международные нормы и принципы, вытекающие из принципа государственного суверенитета, распространяются на поведение государств в рамках деятельности, связанной с использованием ИКТ, а также на юрисдикцию государств над ИКТ-инфраструктурой на их территории» [24, с. 10]. Указанная формулировка неоднозначно оценивается исследователями при попытке ответить на вопрос о наличии в современном международном праве регулятивной нормы о суверенитете в киберпространстве [6] и, таким образом, не добавляет ясности при поиске ответа на вопрос о содержании принципа суверенитета. Например, К. Нордстрем, останавливаясь на анализе данного положения, прямо отметила, что невозможно определить, что группа правительственных экспертов ООН имела в виду под этой фразой [6, р. 59].

Выводы

Становление и развитие киберпространства привело к возникновению новой сферы общественных отношений. Государства столкнулись с необходимостью ревизии действующих норм международного права с точки зрения их пригодности и достаточности для регулирования общественных отношений в киберпространстве. Особое внимание в процессе такой ревизии было уделено выявлению содержания прежде всего основных принципов международного права, в частности принципа суверенитета. При этом ввиду существенных особенностей новой сферы реализации международного права — киберпространства — оценка содержания принципа суверенитета применительно к соответствующей сфере общественных отношений осуществляется в научном и международном юридическом сообществе комплексно и тщательно. В настоящей статье рассмотрены три основных аспекта дискуссий по поводу содержания принципа суверенитета в киберпространстве — вопросы о правовой природе и пределах принципа, а также вопрос о его соотношении с иными принципами международного права.

Каждое из указанных направлений дискуссий подчеркивает одну и ту же мысль: международное сообщество находится в процессе выработки международных стандартов поведения государства в киберпространстве. Вместе с тем очевидно, что принцип суверенитета в его применении к общественным отношениям в киберпространстве должен

иметь самостоятельное регулятивное значение, а кристаллизация соответствующей практики государств в международные нормы сможет способствовать скорейшему устранению правовой неопределенности при осуществлении ими деятельности в киберпространстве и обеспечить их необходимыми средствами правовой защиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности 2015 года. URL: <http://undocs.org/ru/A/70/174>.
2. Baezner M., Robin P. *Cyber sovereignty and Data sovereignty. Version 2. Cyberdefense Trend Analysis*. Zürich : Center for Security Studies (CSS), 2018. Pp. 1—38.
3. Corn G. P., Taylor R. *Sovereignty in the age of cyber // American journal of international law unbound*. 2017. Vol. 111. Pp. 207—212.
4. Egan B. J. *International Law and Stability in Cyberspace // Berkeley Journal of International Law*. 2017. Vol. 35. No. 1. Pp. 169—180.
5. Mueller M. *Sovereignty and Cyberspace: Institutions and Internet governance*, 2018. URL: <http://dlc.dlib.indiana.edu/dlc/bitstream/handle/10535/10410/5th-Ostrom-lecture-DLC.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
6. Nordström C. *The Regulation of Cyber Operations Below the Threshold of Article 2(4) of the Charter: An Assessment of Rule 4 of the Tallinn Manual 2.0 : Dissertation*, 2019. URL: <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:uu:diva-383921>.
7. Schmitt M. N., Vihul L. *Respect for sovereignty in cyberspace // Texas law review*. 2017. Vol. 95. Iss. 7. Pp. 1639—1670.
8. Бекашев К. А. Принцип уважения государственного суверенитета — основополагающий принцип общего международного права // *Lex russica*. 2008. Т. 67. № 4. С. 913—928.
9. Мойсеев А. А. *Суверенитет государства в международном праве : учеб. пособие*. М. : Восток-Запад, 2009. 384 с.
10. Ferreira-Snyman M. P. *The evolution of state sovereignty: a historical overview // Fundamina*. 2006. No. 12-2. Pp. 1—28.
11. Krasner S. D. *Abiding Sovereignty // International Political Science Review*. 2001. Vol. 22. No. 3. Pp. 229—251.
12. *Нормы советского права. Проблемы теории / Под. ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева*. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 248 с.
13. Давыдова М. Л. *Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве : автореф. дис... канд. юрид. наук*. Волгоград, 2001. 31 с.
14. Aarnio A. *Taking Rules Seriously // Law and the States in Modern Times / Ed. by W. Maihofer, G. Sprenger*. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1990. Pp. 180—192.
15. Alexy R. *On the Structure of Legal Principles // Ratio Juris*. 2000. Vol. 13. No. 3. Pp. 294—304.
16. Lang W. *UN-Principles and International Environmental Law // Max Planck Yearbook of United Nations Law*. Vol. 3 / Ed. by J. A. Frowein, R. Wolfrum. The Hague : Martinus Nijhoff Publishers, 1999. Pp. 157—172.
17. Muñoz J. R.-T. *Legal Principles and Legal Theory // Ratio Juris*. 1997. Vol. 10. No. 3. Pp. 267—287.
18. Petersen N. *Customary Law without Custom? Rules, Principles, and the Role of State Practice in International Norm Creation // American University International Law Review*. 2008. No. 23. Pp. 275—310.
19. *Cyber and International Law in the 21st Century: Speech of the UK Attorney General Jeremy Wright of 23 May 2018*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/cyber-and-international-law-in-the-21st-century>.
20. *Letter of 5 July 2019 from the Minister of Foreign Affairs of the Netherlands to the President of the House of Representatives of the Netherlands on the international legal order in cyberspace*. URL: <https://www.government.nl/documents/parliamentary-documents/2019/09/26/letter-to-the-parliament-on-the-international-legal-order-in-cyberspace>.
21. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. *Право Европейского союза. Вопросы истории и теории : учеб. пособие*. М. : Проспект, 2010. 432 с.
22. *Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 1970 г.* URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.
23. *International Court of Justice. Case concerning military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Judgment of 27 June 1986*. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf>.
24. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, 2013 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/68/98>.

REFERENCES

1. *Report of the Group of the Governmental Experts on Achievements in the Field of Information and Telecommunications in Context of the International Security in 2015*. (In Russ.) URL: <https://undocs.org/ru/A/70/174>.
2. Baezner M., Robin P. *Cyber sovereignty and Data sovereignty. Version 2. Cyberdefense Trend Analysis*. Zürich, Center for Security Studies (CSS), 2018. Pp. 1—38.
3. Corn G. P., Taylor R. *Sovereignty in the age of cyber. American journal of international law unbound*, 2017, vol. 111, pp. 207—212.

4. Egan B. J. International Law and Stability in Cyberspace. *Berkeley Journal of International Law*, 2017, vol. 35, no. 1, pp. 169—180.
5. Mueller M. *Sovereignty and Cyberspace: Institutions and Internet governance, 2018*. URL: <http://dlc.dlib.indiana.edu/dlc/bitstream/handle/10535/10410/5th-Ostrom-lecture-DLC.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
6. Nordström C. *The Regulation of Cyber Operations below the Threshold of Article 2(4) of the Charter: An Assessment of Rule 4 of the Tallinn Manual 2.0. Dissertation*, 2019. URL: <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:uu:diva-383921>.
7. Schmitt M. N., Vihul L. Respect for sovereignty in cyberspace. *Texas law review*, 2017, vol. 95, iss. 7, pp. 1639—1670.
8. Bekyashev K. A. The principle of respect for the state sovereignty is the fundamental principle of general the international law. *Lex Russica*, 2008, vol. 67, no. 4, pp. 913—928. (In Russ.)
9. Moiseev A. A. *State sovereignty in the international law. Textbook*. Moscow, East-West, 2009. 384 p. (In Russ.)
10. Ferreira-Snyman M. P. The evolution of state sovereignty: a historical overview. *Fundamina*, 2006, no. 12-2, pp. 1—28.
11. Krasner S. D. Abiding Sovereignty. *International Political Science Review*, 2001, vol. 22, no. 3, pp. 229—251.
12. *Norms of Soviet law. Theory problems*. Ed. by M. I. Baytin, V. K. Babaev. Saratov, Saratov University Press, 1987. 248 p. (In Russ.)
13. Davydova M. L. *Regulatory prescriptions in Russian legislation. Abstract of the Diss. of the Cand. of Law*. Volgograd, 2001. 31 p. (In Russ.)
14. Aarnio A. Taking Rules Seriously. In: *Law and the States in Modern Times*. Ed. by W. Maihofer, G. Sprenger. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 1990. Pp. 180—192.
15. Alexy R. On the Structure of Legal Principles. *Ratio Juris*, 2000, vol. 13, no. 3, pp. 294—304.
16. Lang W. UN-Principles and International Environmental Law. In: *Max Planck Yearbook of United Nations Law*, vol. 3. Ed. by J. A. Frowein, R. Wolfrum. The Hague, Martinus Nijhoff Publishers, 1999. Pp. 157—172.
17. Muñoz J. R.-T. Legal Principles and Legal Theory. *Ratio Juris*, 1997, vol. 10, no. 3, pp. 267—287.
18. Petersen N. Customary Law without Custom? Rules, Principles, and the Role of State Practice in International Norm Creation. *American University International Law Review*, 2008, no. 23, pp. 275—310.
19. *Cyber and International Law in the 21st Century: Speech of the UK Attorney General Jeremy Wright of 23 May 2018*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/cyber-and-international-law-in-the-21st-century>.
20. *Letter of 5 July 2019 from the Minister of Foreign Affairs of the Netherlands to the President of the House of Representatives of the Netherlands on the international legal order in cyberspace*. URL: <https://www.government.nl/documents/parliamentary-documents/2019/09/26/letter-to-the-parliament-on-the-international-legal-order-in-cyberspace>.
21. Marchenko M. N., Deryabina E. M. *European Union law. Questions of history and theory. Textbook*. Moscow, Prospect, 2010. 432 p. (In Russ.)
22. *Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations, 1970*. (In Russ.) URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.
23. *International Court of Justice. Case concerning military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Judgment of 27 June 1986*. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf>.
24. *Report of the Group of Governmental Experts on Achievements in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security, 2013*. (In Russ.) URL: <https://undocs.org/en/A/68/98>.

Как цитировать статью: Липкина Н. Н. Принцип суверенитета государства в киберпространстве: проблемы определения содержания в современном международном праве // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4 (53). С. 275–280. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.53.423.

For citation: Lipkina N. N. Principle of state sovereignty in cyberspace: content definition problems in the contemporary international law. *Business. Education. Law*, 2020, no. 4, pp. 275–280. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.53.423.